

К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма

В.Ф. Петренко

В проблемной статье с позиций постнеклассической рациональности и конструктивизма обсуждаются методологические вопросы мало разработанных областей психологии, такие как возможность анализа единичного случая (case study), проблемы деконструкции и информативности целостного образа, проблемы эмпатии и интуиции как непосредственных форм передачи психических состояний, проблемы аналогии психологического феномена синхронии и физического феномена “квантовой сцепленности”, поднятые ещё К.Г. Юнгом и В. Паули. Утверждается перспективность развития проблематики “коллективного бессознательного” как для психологии, так и для всей гуманитарной науки, для изучения человеческой цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология постнеклассической рациональности, психологический конструктивизм, case study, синхрония, интуиция, квантовая сцепленность, коллективное бессознательное.

ПЕТРЕНКО Виктор Федорович – член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией Психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ, заведующий лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа РАН.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2017 г.

Цитирование: *Петренко В.Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // *Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.*

Медленно и не слишком уверенно методология отечественной психологии разворачивается навстречу идеям методологии постнеклассической рациональности (В.С. Степин, В.А. Лекторский, И.Т. Касавин, Л.А. Микешина) и психологии конструктивизма (Дж. Келли, А.Г. Асмолов, В.Ф. Петренко). В научном дискурсе психологии (у многих психологов) еще присутствуют понятия “теории отражения” и “объективной действительности” (“того, что есть на самом деле”), но есть и значимые подвижки в методологии познания. В книге “Человеке и мир” С.Л. Рубинштейна (к сожалению, опубликованной только через несколько десятилетий после его ухода из жизни), взамен понятия “объективной действительности” использовано понятие “мир”: мир человеческого бытия, мир человеческого страдания. В работах его последователей В.В. Брушлинского и К.С. Абульхановой-Славской, посвященных проблеме субъекта в психологической науке, убедительно показана невозможность вывести за рамки познания самого субъекта познания

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФ, грант № 17-18-01610, “Психосемантический анализ сознания и бессознательного (на материале общей психологии, политической психологии, психологии искусства)”.

© Петренко, 2018 г.

при конструировании образа реальности, в которую он включён. Школа Выготского — Леонтьева — Лурии, отдавая дань стагнирующей идеологии, использовала термины “ленинской теории отражения”, но акцент на активную роль сознания в конструировании образа мира сближал позиции двух этих школ. “Культурно-историческая теория” Л.С. Выготского и понятие “личностного смысла” А.Н. Леонтьева неизбежно вносят релятивистскую позицию субъекта в конструируемый им образ мира.

Жанр данной статьи может быть обозначен как научная публицистика. Он не слишком популярен в российской психологической науке. Публицистика, в том числе и научная, основывается на личной позиции автора, его опыте и интуиции, пристрастиях и убеждениях и не всегда может предложить доказательства. Но она “забегает вперед”, рассуждает о завтрашнем дне науки, о возможных вариантах её развития. К сожалению, научно-гипотетические построения довольно редко встречаются в современной психологии. Так, по мнению А.В. Юревича, три четверти отечественных публикаций посвящены установлению корреляционных связей чего-то с чем-то (пусть и даже в рамках новомодного структурного моделирования) [Юревич 2005]. Психологическая природа человека, в силу присущей науке аналитической декомпозиции, оказывается расщепленной на множество областей, где каждый исследователь успешно разрабатывает свою полянку, причем полянки со временем становятся все мельче. Так, если мы раскроем психологический словарь [Мещеряков, Зинченко (ред.) 2003], то найдем статьи о двигательной и образной памяти, словесно-логической памяти, наглядно-образной памяти, памяти феноменальной, памяти эпизодической, памяти эхоической, обонятельной музыкальной, слуховой, тактильной, вкусовой, эмоциональной памяти, зрительно-двигательной, зрительно произвольной и непроизвольной памяти, сенсорной, иконической, памяти буферной, оперативной, кратковременной и долговременной, наконец, о памяти души и автобиографической памяти. Уверен, я не перечислил все обсуждаемые в словаре виды памяти. Столь же дробную дифференциацию можно найти применительно к теориям внимания, мотивации, личности и т.п. При этом я нисколько не умаляю значения детализованных исследований психики. Но я сталкиваюсь с запросами экономистов, социологов, историков, которым для решения их задач нужна модель целостного человека, обладающего определенной картиной мира и системой ценностей, имеющего желания и влечения, способного принимать решения и строить планы на будущее. Построение такого целостного образа человека невозможно путем детализованного изучения его отдельных функций. Тут не проведешь научно безупречный эксперимент, возможно только строить целостные гипотетические модели (как это делается в философии), и их адекватность может быть проверена только со временем и посредством множества косвенных подтверждений в различных сферах жизнедеятельности.

Другой важный аспект, требующий гипотетических построений, в психологической науке связан с тем, что многие события (подчас самые важные в жизни человека) имеют одноразовый характер. Единжды человек рождается и умирает. Большинство экстра-сенсорных и мистических переживаний являются единичными феноменами. Именно их невозпроизводимость и невозможность статистического подтверждения делают их изгоями в строгой научной фактологии. Большинство психологов (и не только психологов), боясь потерять научное реноме, предпочитают просто не замечать нетривиальные феномены или не выносить их в свет для публичного обсуждения. Например, на “круглом столе” журнала “Вопросы философии”, посвященном творчеству В.П. Зинченко, один из питомцев школы А.Н. Леонтьева, входящий в его семейный круг, А.Г. Асмолов, неожиданно поделился воспоминаниями Алексея Николаевича о пережитом им выходе сознания из тела, случившемся во время полета на самолете [Современные проблемы 2016, 33]. Естественно, в советское время, пропитанное идеологией материализма и борьбой с идеализмом, Алексей Николаевич никогда не рассказывал в широком кругу об этом случае. По словам Асмолова, это событие у А.Н. Леонтьева повлекло за собой отсутствие страха смерти. Множество ярких примеров необычных состояний сознания при космических полетах приводит летчик-космонавт С.В. Кричевский [Кричевский 1996; Кричевский 2012]. Богатый феноменологический материал для case study дают как

экстремальные поведенческие ситуации, так и ситуации глубокой медитации; см.: [Петренко, Кучеренко 2008]. Исследования case study требуют разработки особой психологической методологии анализа единичных случаев, а также критериев достоверности уникальных разовых событий. На мой взгляд, происходит смещение акцентов в познании: от ориентации на “открытия” к ориентации на интерпретацию. Само понятие “открытие” основано на метафоре поиска чего-то уже существующего в мире. Христофор Колумб искал путь в Индию, а открыл Америку. Открытие, например, радиоактивности или сверхтекучести – чрезвычайно редкие события. Самый известный и внесший, пожалуй, наибольший вклад в психологию и гуманитарную науку, психолог З. Фрейд, не открывал Америк, а описывал хорошо известные людям реальности – секса, сновидений, работы памяти и человеческих отношений, – давая им новые оригинальные интерпретации. Так и анализ единичных случаев, case study, требует их рассмотрения в более широких контекстах существования человека, где сами единичные события трактуются как следствия функционирования более обобщенных моделей, находящихся на более высоком трансцендентальном уровне. Такие модели имеют множество гипотетических следствий, и верифицировать редкое событие становится возможным через верификацию всей в целом модели, а ее подтверждение возможно через подтверждение иных, не относящихся прямо к case study, ее следствий.

Наконец, третий аспект психологической науки, необходимо требующий гипотетических построений и элемента фантазии, – это прогнозирование развития человека, социума, цивилизации. П.Я. Гальперин упрекал современную психологию за то, что она исследует то, что есть на данный момент, и не пытается построить варианты развития; см.: [Гальперин 1976]. Созданная им теория поэтапного формирования была направлена на развитие и конструирование интеллекта учащегося, то есть на построение того, чего нет в наличии на данный момент. В отличие от естественных наук, где ученый создает модели реальности и исходя из этих моделей конструирует новый технологический мир, гуманитарные науки (к которым, естественным образом, относится и психология) призваны не только анализировать настоящее состояние человека и общества, но и порождать новые смыслы, новые ценности и мотивы, задавая тем самым вектор развития человека и общества. В социологии существует понятие “самореализующихся прогнозов”. Здесь также неизбежно возникает задача гипотетического прогнозирования, которое немислимо без творческой фантазии. Современная психология сосредоточилась в основном на психофизиологии, психологии личности или социальной психологии, ограничивая свои исследования миром человеческого бытия. Раздвигают эти рамки работы в области экологической психологии и зоопсихологии, рассматривающие психику в контексте биологической эволюции. Исследований психики в контексте глобальной космической эволюции исчезающе мало. Отчасти этот вектор представлен гуманитарно-антропологическими направлениями “философии жизни” в работах западных мыслителей, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Э. Шпрэнгер, У. Джеймс, Г. Риккерт.

Мировая наука, оплодотворённая идеями “русского космизма” В.Ф. Окоевского, Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, развивала идеи трансформации человеческой цивилизации в контексте космической эволюции. В современной науке эта проблематика представлена в исследованиях Big History Д. Кристиана, Универсального эволюционизма И.С. Шкловского и Н.Н. Моисеева, Мегаистории А.П. Назаретяна. Глобальные модели присутствуют в работах таких родоначальников системного анализа, как Л. фон Берталанфи, В.И. Вернадский и А.А. Богданов. Естественно, такое интегральное мировоззрение требует и глобальной творческой фантазии. Например, идею Циолковского о переходе в будущем человечества в лучистую форму невозможно ни эмпирически проверить, ни теоретически доказать. Но такие глобальные идеи открывают веер потенциальных возможностей развития. Говорят, что генералы, когда ориентируются только на опыт прошлого, готовятся к прошедшим войнам; ученый же, ориентированный только на принципы сегодняшней науки, обречен на догматизм и стагнацию. Как заявил великий физик Нильс Бор молодому коллеге на одном из

научных семинаров: “Ваша теория, несомненно, безумна, но достаточно ли она безумна, чтобы быть верной?” Не забудем в этом контексте идею о самореализующихся прогнозах, когда самая безумная фантазия может оказаться руководством к действию.

После такого оправдания собственной деятельности по осмыслению мало разработанной тематики, не слишком удовлетворяющей современным критериям научности, перейдём к собственно описанию некоторых феноменов на уровне личностного и коллективного бессознательного. Эти явления затрагивают различные области психологии, но видятся мной взаимосвязанными. Начнём с проблематики обучения.

Мейнстрим западного стиля обучения представляется как передача знаний учащимся, где учитель – только транслятор некоторых объективных данных и теорий. Появилось даже представление об обучении как об оказании “педагогических услуг”. Методологически такой стиль базируется на представлении о передаче объективных, не зависящих от педагога, истин. Тем не менее некоторый паллиатив такому подходу представляет теория личностного знания М. Полани [1985]. Личностное начало мировоззрения наиболее явственно высвечивается в патопсихологии и психотерапии [Зейгарник 1986; Соколова, Николаева 1995], в этнопсихологии [Мухина 2001; Назаретян 2014], но в целом плохо представлено в педагогике и психологии.

Условно “восточный” стиль обучения, например, в буддизме, подразумевает глубоко личностные отношения ученика и учителя. Ученик может довольно долго выполнять хозяйственную работу, прислуживать учителю. Важно, что в таком общении происходит идентификация как с личностью непосредственного учителя, так и со всеми коленами передачи знания и особенно с основателем учения. Как писал Н.А. Бердяев, невозможно изучить философию как некое позитивное знание. Например, нельзя изучить философию Гегеля, но можно научиться мыслить по-гегелевски. Мышление связано не только с рациональными, осознанными человеком понятиями, но и с индивидуальным (З. Фрейд) и коллективным (К. Юнг) бессознательным. И как по мелькнувшему в конце коридора плащу можно опознать целостный образ приятеля, так и по “пришедшим в голову” ассоциации или образу сновидения можно актуализовать широкую семантическую область индивидуального или коллективного бессознательного. Согласно голографической модели памяти К. Прибрама [Прибрам 1975], ничтожный элемент голограммы (полученной наложением двух интерферирующих лазерных потоков) позволяет восстановить целостный образ, запечатленный в голограмме. Но целостный образ, восстановленный по малой части голограммы, будет гораздо меньшей интенсивности. Требуется лазерная подсветка достаточной интенсивности. Аналогично в разработанной сотрудником лаборатории “Психология общения и психосемантика” В.В. Кучеренко [Кучеренко, Петренко, Россихин 1998; Петренко, Кучеренко 2015; Петренко 2013] психотехнике сенсомоторного психосинтеза, близкой к эриксоновскому гипнозу, из долговременной памяти человека, используя энергетику трансового состояния, можно извлечь практически неограниченное число воспоминаний: например, в какую одежду он был одет в свои три годика или что приготовила на обед его мама в день его рождения. Так, В.В. Кучеренко неоднократно получал благодарности за помощь в актуализации памяти свидетелей происшествий. Например, он погружал во всё более глубокий транс водителя грузовика, который вроде бы несколько месяцев тому назад наблюдал как из машины, подъехавшей к лесу, вышли девушки в сопровождении мужчин. Позднее трупы девушек были найдены в лесу, и шофер стал, таким образом, свидетелем предыстории преступления. Деталей этого случайного наблюдения он, естественно, не помнил. Но под воздействием гипнотизёра, погружаясь во всё более глубокий транс, он смог увидеть, как в замедленной съёмке, медленно подъезжающую упомянутую машину и даже рассмотреть цифры номера, попавшие в его поле зрения. По ним и удалось найти преступников. Как полагал А.Р. Лурия, человек помнит практически всё, с чем он сталкивался в своей жизни. Проблема заключается только в том, как извлечь эту информацию [Лурия 1979; Лурия 2007].

Тут следует сделать ещё одну оговорку. Формулу для вычисления количества информации в случае различных вероятностей событий предложил К. Шеннон в 1948 г. В этом случае количество информации определяется по формуле:

$$I = -\sum_{i=1}^N P_i \cdot \log_2 P_i,$$

где I – количество информации; N – количество возможных событий; P_i – вероятность i -го события.

Эта формула работает только для целостности, доступной разложению на простой алфавит и декомпозиции, и в первую очередь, для вербального текста. Но как оценить информативность целостного образа, ибо его информативность зависит от внутренних эталонов субъекта восприятия? Напомним исследование, описанное О.К. Тихомировым и заключавшееся в тахистоскопическом предъявлении шахматной позиции [Тихомиров 2002]. Опытный гроссмейстер не мог вспомнить конкретное расположение фигур на шахматной доске, но уверенно сказал, что позиция, скажем белых фигур, была выигрышной. То есть опознание целостных образов зависит от внутренних эталонов респондента, и более опытный шахматист оперирует целостными образами, нуждаясь для принятия решения в формально меньшем количестве информации. Вслед за Л.С. Выготским мы развиваем положение о том, что человеческое сознание работает с дискретной, предметной, в основном кодированной языковыми значениями информацией. Психология восприятия целостных образов нуждается в разработке, назовем условно (за неимением соответствующего термина), субъективной теории информации, где информативность предъявленного образа будет зависеть от обобщенности присущих субъекту целостных эталонов. Предъявление объекта, с которым субъект никогда не имел дела, даст нулевую информацию, как в тех примерах, когда индейцы не “видели” кораблей Колумба, приплывших в Америку. Я интерпретирую этот феномен как то, что индейцы видели корабли, но не осознавали. В наших экспериментах запрет в гипнозе на какое-либо значение приводил к тому, что у испытуемого выпадал из поля восприятия целый класс объектов, семантически связанных с “запрещенным” значением; см.: [Петренко, Кучеренко 2008]. Сходный пример находит Ю.М. Лотман, анализируя роман “Война и мир” Л.Н. Толстого: “Вместе с отходящей французской армией погибает Платон Каратаев. Пьер Безухов, вместе с ним совершающий этот трудный поход, перестает замечать своего друга. Даже момент, когда французский солдат убивает Платона Каратаева, Пьер видит / не видит – происходит расслоение психологического и физиологического зрения” [Лотман 2000, 14]. Как следует из этого примера, блокировка значений, ведущих к осознанию воспринятого, может быть обусловлена не только гипнотическим внушением, но и сильным аффективным переживанием.

Теория информации имеет дело с доступной сознанию предметной информацией, описываемой в пространстве Декарта или, в более обобщенной форме, в псевдоевклидовом пространстве Минковского, предложенном в качестве геометрической интерпретации пространства-времени специальной теории относительности. Адекватной формой описания целостных состояний коллективного бессознательного является гильбертово пространство; см.: [Петренко, Супрун 2013; Петренко, Супрун 2014^a; Петренко, Супрун 2014^b; Петренко, Супрун 2015; Петренко, Супрун 2016]. Отношение между сознанием и бессознательным поэтически гениально выразил А.А. Блок в стихотворении “Художник”, а обратил внимание на это почти научно-психологическое описание перехода мысленной интенции в слово Ю.М. Лотман:

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнуть мою скуку смертельную
Лёгкий, доселе не слышанный звон.

Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.
<...>

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенья и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Лёгкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.
<...>

Отношение бессознательного и сознания в творчестве предстаёт здесь как отношение свободы, целостного состояния незаданности и многомерности (для бессознательного) и чёткой выверенности значений слов в рамках категориальных структур (для сознания).

Но не будем умалять роль сознания в явлении творчества миру. Процесс недоосознания, (недоокольцевания птицы творчества) выразил другой гений русской поэзии:

Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

(О. Мандельштам)

Проблему приёма и передачи целостных состояний на уровне бессознательного поставил еще Бергсон в гениальной книге “Творческая эволюция”, где описал, как оса наездник безошибочным уколом парализует гусеницу [Бергсон 1998]. Бергсон предположил, что оса безошибочно находит ганглии гусеницы не в результате научения (как позднее бихевиористы описывали формирование навыка путем “проб и ошибок”), а непосредственно ощущает ганглии гусеницы как бы в себе, средствами собственной психики. Такой механизм познания Анри Бергсон назвал творческой интуицией и полагал, что он присущ всем живым существам, поскольку они имеют общих предков. В современной психологии понятие интуиции имеет несколько иной смысл, связанный с выходом за рамки стереотипного мышления; см.: [Пономарев 1976; Асмолов 1997]. Предложенная же Бергсоном трактовка интуиции осталась практически не разработанной. Тем не менее такая интуиция присутствует в ситуации гипнотических сеансов. Позволю себе еще раз упомянуть случай гипнотерапевтического лечения больной нервной анорексией и булимией [Петренко, Кучеренко 2008]. Пациентка Д. в молодости училась в балетной школе и, оставаясь изящной и стройной, имела тем не менее претензии к своей фигуре. Как выяснилось в ходе гипнотического сеанса, в далекой молодости пациентка Д. пережила психическую травму. Её, тогда ещё молодую девушку (почти девочку), ее партнёр по балету застал за поеданием пирожных, которые им были строго запрещены. Парень, которому в процессе танца надо было поднимать партнёршу, назвал её жирной короной и дал подзатыльник. В результате этого происшествия молодая девушка пережила жестокий стресс, проявившийся, в частности, в невозможности получить удовольствие и насыщение от пищи (булимия). Желая снять последствия булимии, имеющей в основе явный социальный запрет на насыщение, В.А. Кучеренко вводил пациентку в гипнозе в иные социальные ситуации, отличные от обычной жизни, в которых бы не действовали социальные запреты на получение удовольствия от пищи. То погружал ее в ситуацию римского пира, то в ситуацию русского барского застолья. Но все время находились какие-нибудь обстоятельства, не позволявшие пациентке вкусить удовольствие от пищи. Для невротика является типичным домыслить ситуацию в сновидениях или в гипнотическом видении так, чтобы ситуация приводила к привычному неудачу. Например, в воображении, катаясь на лыжах, он непременно врежется в дерево; будучи погружён

в образ могучего животного, он непременно увидит себя с большой лапой или проплешинами на шкуре. В нашем случае, будучи помещенной в ситуацию охоты первобытного племени, завалившего мамонта, наша пациентка опять испытала неудачу. Кусок дымящейся, поджаренной на костре сочной “мамонтятины” у неё грубо отобрал внезапно появившийся амбал в звериной шкуре, и ей осталось только жалобно скулить от незаслуженной обиды. Пережить радость насыщения пациентке удалось только тогда, когда Кучеренко поместил ее в тело доисторического животного – птеродактиля. Пациентка пережила ощущение радости свободного полета и чувство хищника, контролирующего свою территорию. Спланировав на перепончатых крыльях на какую-то гигантскую лягушку, она разорвала ее и впервые насытилась её плотью. Социальный тормоз был снят пребыванием в теле животного, лишённого человеческих норм и запретов, и пациентка наслаждалась удовольствием вкушения пищи. С этого случая она пошла на поправку. Но нас в данном случае интересует не психотерапия, а другой аспект исследования. Откуда в психике современного человека содержится опыт ископаемого животного? Видимо, человек помнит не только своё личное бессознательное, не только коллективное бессознательное своего рода и вида, но и бессознательное предыдущих ступеней эволюционного прошлого. Российский ученый Б.М. Величковский, известный специалист в области когнитивной психологии, многие годы возглавлявший Институт психологии Дрезденского университета и являющийся экспертом Комиссии Европейского Союза в области новых зарождающихся наук и технологий (NEST – New and Emerging Sciences and Technologies), менее всего ассоциирующийся с восторженным дилетантизмом, пишет: “На ранних этапах эволюционного развития превалировал тот или иной тип внимания. Наиболее примитивной формой считается амбъентное (пространственное) внимание, которое, как известно из палеоневрологии, впервые возникло у древнейших рептилий, динозавров, и связано с локализацией объектов в пространстве. <...> Напрашивается вывод, что в организме человека есть потенциал восприятия, заложенный ещё на заре эволюции” [Величковский 2003, 89].

Не менее шокирующий опыт знания, полученный через какие-то иные источники, отличные от индивидуального обучения, даёт гипнотическая практика. В разработанной Кучеренко программе лечения алкоголизма у пациентов вызывали не только страх перед употреблением алкоголя, но и давали множество положительных переживаний, чтобы поднять самооценку человека [Петренко, Кучеренко, Вяльба 2006]. Пациенты “летали в космос”, “купались в волнах эфира” и т.п. Один из пациентов сообщил, что, когда он “летал” в звездном небе, его удивил образ точечных, но очень ярких звезд. Действительно, при отсутствии земной атмосферы, и соответственно, воздушной дифракции звезды не воспринимаются такими размытыми, как с Земли. Знать то, как они выглядят из космоса, наши пациенты вряд ли могли, хотя и не исключено, что они могли слышать об этом в какой-нибудь научно-популярной передаче. Но если этот фактор исключается, то такие единичные случаи свидетельствуют о возможности получения знания с позиции, которую человек в своей жизни никогда не занимал. Не этот ли феномен работает, когда никогда не “сидевший” Александр Галич в стихах предельно точно описывает безысходный трагизм переживаний заключенного или никогда не воевавший Владимир Высоцкий в военных песнях погружает слушателя в предельно уплотнённую и готовую к взрыву эмоциональную атмосферу? Не присутствует ли в упомянутых феноменах единый механизм извлечения опыта из коллективного бессознательного?

Но вернёмся к буддийской форме обучения “личностному знанию” через идентификацию с личностью учителя. В отечественной психологии сходный феномен влияния личности учителя на успехи ученика изучал В.А. Петровский [Петровский 1985; Петровский 1992]. Учащиеся должны были решать задачи или сдавать экзамены, в которых оценивались их успехи. При этом варьировались условия их экзаменования. В одном случае в комнате, где проводилось обследование, на стене висел портрет популярного у школьников педагога. В другом варианте в той же комнате висел портрет “нелюбимого” учителя. Обе выборки учащихся были уравновешены по уровню подготовки. Попавшие в ситуацию с ненавязчиво висевшим на стене портретом “любимого учителя” оказались

гораздо более успешными, чем школьники в ситуации с “нелюбимым”. Петровский назвал этот феномен влияния образа значимого другого на успешность творческой деятельности феноменом “отраженной субъектности”. Результаты этого эксперимента могут быть распространены и на более широкую сферу. По этой логике положительный эффект (и не только в образовании) должны давать портреты значимых для нас людей или, например, иконы чтимых святых. У меня дома висит репродукция любимой мной картины Крамского “Христос в пустыне”, где погруженный в глубокие раздумья Христос выступает философом, осмысляющим и принимающим на себя всю трагедию бытия. Эта картина выступает для меня камертоном, настраивающим на работу с духом и поднимающим сознание на высоты трансцендентального.

Но возникает вопрос: а только ли образы значимых других, с которыми мы имели счастье (или несчастье) встретиться в жизни, могут оказывать влияние на наше состояние. Другая моя любимая картина, “Демон сидящий” Врубеля, изображает существо вымышленное, имеющее литературный прототип в поэме Лермонтова “Демон” (“Печальный демон, дух изгнания витал над грешною землёй...”) или у Пушкина (“Дух отрицания, дух сомнения”). Она вообще не имеет “денотата” (в терминах У.О. Куайна) или “референта” в терминах Ч. Огдена и А.А. Ричардса, но имеет важный “личностный смысл” в подростковом возрасте, в период прохождения этапа самоутверждения и отрицания, примеривания к образу одинокой и непонятой “байронической личности”. Важно, что и созданные воображением персонажи или иные сущности, не имеющие материального воплощения, могут тем не менее влиять на наше эмоциональное и духовное состояние. Образы значимых для нас людей, живописные портреты, литературные персонажи, с которыми мы хоть раз в жизни соприкоснулись, навсегда остаются в личном, а то и в коллективном бессознательном. Согласно теоретической модели голографической памяти К. Прибрама [Прибрам 1975], нейропсихологическим работам А.Р. Лурии [Лурия 2007], сенсомоторным психологическим практикам В.В. Кучеренко человек помнит практически всё, с чем он сталкивался в жизни, и проблема только в том, чтобы извлечь эту информацию из бессознательного.

Извлечение информации из индивидуального или коллективного бессознательно-го имеет еще одну шокирующую черту. Бессознательное согласно развиваемому нами представлению, в отличие от предметности сознания, не имеет пространственно-временных координат и описывается в гильбертовом пространстве, в отличие от пространства Минковского, специфического для сознания. Гильбертово пространство конституируется бесконечно мерными гармониками, имеющими волновую природу. Категории пространства и времени к ним и, соответственно, к гильбертовому пространству неприменимы. Напомним, что ещё Кант рассматривал категории пространства и времени не как базовые онтологические характеристики бытия, а как интуиции сознания. При этом в классической философии интенциональность сознания, то есть направленность его на предметность мира, рассматривается как важнейшая характеристика сознания. Предметность, в свою очередь, при категоризации предполагает временную и пространственную отнесенность. Для бессознательного же нет ни времени, ни пространства. В совместной работе психолога Юнга и физика Паули в начале XX в. проводилась идея общности квантового мира и коллективного бессознательного и предположение, что феномен синхронии, описанный Юнгом, имеет аналог в квантовой физике [Юнг 1997; Линдорф 2013; Pauli, Jung 1955].

В ряде наших публикаций ([Петренко, Супрун 2013; Петренко, Супрун 2014^а; Петренко, Супрун 2014^б; Петренко, Супрун 2015]) обсуждается присущий квантовой физике феномен ЭПР, названный так по имени ученых его сформулировавших (Эйнштейн, Подольский, Розен). Этот феномен был описан в дискуссии Альберта Эйнштейна и Нильса Бора как то, “чего быть не может”, но исследования подтвердили существование этого феномена. Суть его в следующем. Для того чтобы описывать объект до его восприятия и осознания субъектом результата измерения (согласно Гейзенбергу, квантовые характеристики элементарных частиц не существуют до процесса их измерения и возникают в ходе его: см.: [Гейзенберг 1989]), объект описывается как суперпозиция возможных

состояний. Распад объекта приводит к образованию как минимум двух объектов с “перепутанными” (взаимосвязанными) состояниями, поскольку законы сохранения действуют таким образом, что сохраняется некая суммарная константа. Например, если распадается элементарная частица с измеренным нулевым спином, то образовавшиеся в ходе распада две частицы также должны иметь суммарный нулевой спин. Стоит наблюдателю по отношению к одной из частиц произвольно выбрать конкретное направление и измерить вдоль него спин этой частицы, то “мгновенно” ему будет известен и противоположный по знаку спин его “близнеца” по прошедшему распаду, независимо от расстояния между ними. Сверхсветовые скорости “передачи информации” приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний. Эксперименты А. Аспе [Aspect, Grangier, Roger 1982] и Дж. Белла [Bell 1964] эмпирически подтвердили существование этого феномена “нелокальности” бытия квантового мира.

Всё это позволило Р. Пенроузу высказать мнение: “Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной. <...> Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем” [Пенроуз 2005, 464]. Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е.Н. Соколов [Соколов 2010] был солидарен с идеей С. Хамероффа и Р. Пенроуза [Hameroff, Penrose 1996] о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющих человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер. Идея нелокальности бытия и феномен квантовой сцепленности (перепутанности) позволяет выдвинуть еще одну фундаментальную гипотезу. Как известно, наша Вселенная насчитывает порядка 13,8 миллиардов лет, с начала так называемого Большого Взрыва, который представлял собой эволюцию материи и её расширение из бесконечно малого объёма. Солнечная система и сама наша Земля возникла порядка пяти миллиардов лет назад, Солнце является вторичной звездой, возникшей в ходе космической эволюции. Первичные, более древние звёзды, выгорая, коллапсируют, и в результате внутренней гравитации сжимаются до чудовищной плотности при сверхвысоких температурах. Далее они взрываются, образуя так называемые сверхновые. При этом образуются тяжелые элементы, которых нет на Солнце — там только гелий и водород. В нашем же организме присутствуют металлы и иные тяжелые элементы, образовавшиеся при взрыве сверхновых, которые были доставлены в Солнечную систему метеорами. Перефразируя высказывание Тия Уленшпигеля из романа Шарля де Костера, можно сказать: “В нашем сердце стучит пепел погасших звёзд”.

Современная астрономия среди миллиардов звездных систем обнаружила уже сотни звездных систем, подобных Солнечной, в которых предположительно присутствует вода, необходимая для жизни живых существ, биологически подобных земным. Кстати в рамках теории панспермии сама жизнь (в её простейших формах) на Землю занесена из космоса и далее уже эволюционировала в земных условиях. Понятно, что временная фора в тысячелетия (мгновения по космическим масштабам) приводит к колоссальным различиям в развитии цивилизаций — если только они не самоуничтожаются на определенных стадиях развития (что является одной из объяснительных причин Великого звёздного молчания Вселенной) по аналогии с героем романа Джека Лондона “Мартин Иден”, утратившим мотивацию жить при реализации его желаний. Как говорили древние, “любовь и голод правят миром”. А что будет мотивировать человечество жить при удовлетворении базовых потребностей?

Поиски собратьев по разуму, анализ возможных сигналов из космоса, на мой взгляд, является экстраполяцией сегодняшней земной технологии на возможности опередивших нас в космической эволюции гипотетических разумных цивилизаций. И установление контакта (если он уже не существует на уровне, доступном человеческой психике), возможно, осуществится посредством глубокой медитации или практики иных измененных

состояний сознания. Ведь принципы нелокальности бытия и феномены ЭПР, демонстрирующие отсутствие категорий пространства и времени для квантовой физики, и психологические феномены синхронии, не сводимые к отношениям детерминизма, демонстрирующие некие иные формы связности, открывают пусть гипотетическую, но потенциально возможную форму передачи даже не “информации” (в её шенноновском варианте, связанной с декомпозицией целостного текста) и даже не “передачу”, а некий синхронический мгновенный резонанс состояний, одной из форм которых являются психические состояния живых существ.

Подводя итог статьи, можно сделать несколько предварительных заключений. Перспективной линией развития психологии является движение в сторону личностного и коллективного бессознательного, к которым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, включающих, как следствие, реализацию уникальных единичных случаев (case study). Человеческое сознание имеет пространственно-временной, опосредованный системой значений (не только вербальных, но перцептивных эталонов) характер. Коллективное бессознательное имеет отличную от сознания природу (вне форм пространства и времени) и описывается на языке гильбертовых пространств. Имеется прямая аналогия методологии квантовой физики (включая такие феномены, как ЭПР, нелокальность бытия и его системная связность) и методологии бессознательного (включая феномены синхроничности, телепатии и предвидения). Человечество (а значит, и психология как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации (“Движение 2045”, см.: <http://2045.ru/>), включающей выход на “сингулярность” Р. Курцвейла или “вертикаль Снукса – Панова” (см.: [Назаретян 2014]), связанные с переходом от чисто земной эволюции к космической, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

Ссылки – References in Russian

- Асмолов 1997 – *Асмолов А.Г.* У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1997. № 7. С. 24–39.
- Бергсон 1998 – *Бергсон А.* Творческая эволюция. Пер с фр. В.А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998.
- Величковский 2003 – *Величковский Б.М.* Успехи когнитивных наук. Технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87–93.
- Гальперин 1976 – *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М.: МГУ, 1976.
- Гейзенберг 1989 – *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.
- Зейгарник 1986 – *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: МГУ, 1986.
- Кричевский 1996 – *Кричевский С.В.* Необычные фантастические сновидения-состояния космонавтов в полетах на околоземной орбите: новый космический феномен // Сознание и физическая реальность. 1996. Т. 1. № 4. С. 66–69.
- Кричевский 2012 – *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность: Междисциплинарный анализ. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- Кучеренко, Петренко, Россохин 1998 – *Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.* Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
- Линдорф 2013 – *Линдорф Д.* Юнг и Паули: встреча двух великих умов. М.: Касталия, 2013.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Лурия 1979 – *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М.: Молодая гвардия, 1979.
- Лурия 2007 – *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2007.
- Мещеряков, Зинченко (ред.) 2003 – Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2003.
- Мухина 2001 – *Мухина В.С.* Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4. С. 114–127.
- Назаретян 2014 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2014.
- Пенроуз 2005 – *Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.

Петренко 2013 – *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо 2013.

Петренко, Кучеренко 2008 – *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В.* Медитация как форма непосредственного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83–101.

Петренко, Кучеренко 2015 – *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В.* Судьба как цитата, жизнь как нарратив / Психология сознания. Этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты. Самара: ПГСГА, 2015. С. 101–105.

Петренко, Кучеренко, Вяльба 2006 – *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба Ю.А.* Психосемантика изменённых состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16–27.

Петренко, Супрун 2013 – *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли “объективная действительность”? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Серия “Психология”. 2013. Т. 2. С. 62–82.

Петренко, Супрун 2014^a – *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69–87.

Петренко, Супрун 2014^b – *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного – постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76–90.

Петренко, Супрун 2015 – *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия “Психология”. 2015. Т. 9. № 1. С. 99–123.

Петренко, Супрун 2016 – *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 5–14.

Петровский 1985 – *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–30.

Петровский 1992 – *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

Полани 1985 – *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Пономарев 1976 – *Пономарев Я.А.* Психология творчества М.: Наука, 1976.

Прибрам 1975 – *Прибрам К.* Языки мозга. С предисловием А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1975.

Современные проблемы 2016 – Современные проблемы взаимодействия философии, психологии и когнитивных технологий: К 85-летию со дня рождения В.П. Зинченко. Материалы “круглого стола”. Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, А.Г. Асмолов, Б.М. Величковский, Ю.П. Зинченко, Б.Г. Мешеряков, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, В.Н. Порус, В.М. Розин, В.С. Собкин, Т.Г. Щедрина // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 5–35.

Соколов 2010 – *Соколов Е.Н.* Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ, 2010.

Соколова, Николаева 1995 – *Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995.

Тихомиров 2002 – *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М.: Академия, 2002.

Юнг 1997 – *Юнг К.Г.* Синхронистичность. М.: Рефлбук: К. Ваклер, 1997.

Юревич 2005 – *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol 2. P. 89–101

To the Problem of the Collective Unconscious within the Framework of the Philosophy of Post-Non-Classical Rationality and Constructivist Psychology*

Viktor F. Petrenko

In a problem article, from the perspective of post-non-classical rationality and constructivism are discussed methodological issues little developed areas of psychology, such as the possibility of analysing a single case (case study), the problems of decomposition and informative holistic way, the problems of empathy and intuition as forms of transmission of mental States, the problems

*The research is carried out with the financial support of the RNF, grant No. 17-18-01610, “Psychosemantic analysis of consciousness and the unconscious (on the basis of general psychology, political psychology, psychology of art)”.

of similar psychological phenomenon of synchronicity and physical phenomenon of “quantum entangled” raised by the psychologist Karl Jung and Nobel prize physicist W. Pauli. Allegedly, the future development perspective of the “collective unconscious” as for psychology, and the Humanities explore the human civilization.

KEY WORDS: the methodology of post-nonclassical rationality, psychological constructivism (case study), decomposition of a complete image, synchronicity, empathy, intuition, quantum entanglement, the collective unconscious.

PETRENKO Viktor F. – Corresponding Member of RAS, Head of the Laboratory of Psychology of Communication and Psychosemantics, Faculty of Psychology, Moscow State University; Head of the Laboratory of Cognitive Studies, Institute of System Analysis, RAS.

Received at June 8, 2017.

Citation: Petrenko, Viktor F. (2018) ‘To the Problem of the Collective Unconscious within the Framework of the Philosophy of Post-Non-Classical Rationality and Constructivist Psychology’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2018), pp. 89–101.

References

- Asmolov, Alexander G. (1997) “At the Doorstep of Non-classical Relativist Psychology”, *Sibirskii psichologicheskii Jurnal*, No 7 (1997), pp. 24–39 (in Russian).
- Aspect, Alain, Grangier, Philippe, Roger, Gérard (1982) “Experimental Realization of Einstein–Podolsky–Rosen–Bohm *Gedankenexperiment*: A New Violation of Bell’s Inequalities”, *Physical Review Letters*, Vol. 49, No 2, pp. 91–94.
- Bell, John S. (1964) “On the Einstein Podolsky Rosen Paradox”, *Physics*, Vol. 1, No. 3, pp. 195–290.
- Bergson, Henry (1907) *L’Évolution créatrice*, Félix Alcan, Paris (Russian Translation 1998).
- Galperin, Petr Ya. (1976) Introduction to Psychology, MGU, Moscow (in Russian).
- Hameroff, Stuart, Penrose, Roger (1996) ‘Orchestrated Objective Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: The “Orch OR” Model for Consciousness’, *Toward a Science of Consciousness – The First Tucson Discussions and Debates*, eds. Hameroff, S.R., Kaszniak, A.W. and Scott, A.C., MIT Press, Cambridge, MA, pp. 507–540.
- Heisenberg, Werner Karl (1950) *Physik und Philosophie*, (1969) *Der Teil und das Ganze* (Russian Translation 1989).
- Jung, Carl Gustav (1997) *Synchronicity*, Selected Papers, Reffbuk. K. Vakler, Moscow (Russian Translation).
- Krichevskii, Sergei V. (1996) “Unusual Fantastic Dream-states of Cosmonauts in Near-earth Orbit: a New Cosmic Phenomenon”, *Soznanie I Fizicheskaya Realnost’*, Vol. 1, No 4, pp. 66–69 (in Russian).
- Krichevskii, Sergei V. (2012) *Aerospace Activity: Interdisciplinary Analysis*, LIBROKOM, Moscow (in Russian).
- Kucherenko, Vladimir V., Petrenko, Viktor F., Rossokhin, Andrei V. (1998) “Altered States of Consciousness”, *Voprosy Psichologii*, Vol. 3 (1998), pp.70–78 (in Russian).
- Lindorff, David (2004) *Pauli and Jung: The Meeting of Two Great Minds*, Quest Books, Wheaton, IL (Russian Translation 2013).
- Lotman, Yuri M. (2000) *Semiosphere*, Iskusstvo, Saint Petersburg (in Russian).
- Luria, Alexander (1979) *The Mind of a Mnemonist: A Little Book About A Vast Memory*, Molodaya gvardiya, Moscow (in Russian).
- Luria, Alexander (2007) *Fundamentals of Neuropsychology*, Akademiya, Moscow (in Russian).
- Mescheryakov, Boris G., Zinchenko, Vladimir P., eds. (2003) *Comprehensive Psychological Dictionary*, OLMA PRESS, Moscow (in Russian).
- Modern Problems of Interaction between Philosophy, Psychology and Cognitive Technologies: to the 85th Anniversary since the Birth of V.P. Zinchenko. Materials of “Round Table”. Participants: Vladislav A. Lektorski, Boris I. Pruzhinin, Alexander G. Asmolov, Boris G. Meshcheryakov, Viktor F. Petrenko, Vadim A. Petrovskiy, Vladimir N. Porus, Vadim M. Rozin, Tatiana G. Shchedrina, Vladimir S. Sobkin, Boris M. Velichkovskiy, Yuri P. Zinchenko, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2016), pp. 5–35 (in Russian).
- Mukhina, Valeriya S. (2001) “Personality and Ethnoses in the Context of a Clash of Civilizations”, *Mir Psichologii*, No 4 (2001), pp. 114–127 (in Russian).

- Nazaretyan, Akop P. (2014) *Nonlinear Future. Mega-history, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*, Argamak Media, Moscow (in Russian).
- Pauli, Wolfgang, Jung, Carl Gustav (1955) *The Interpretation of Nature and the Psyche*, Pantheon Books, New York.
- Penrose, Roger (1994) *Shadows of the Mind*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation 2005).
- Petrenko, Viktor F. (2013) *Multidimensional Consciousness: Psychosemantic Paradigm*, Eksmo, Moscow (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Kucherenko, Vladimir V. (2008) “Meditation as a Form of Non-mediated Comprehension”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2008), pp. 83–101 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Kucherenko, Vladimir V. (2015) “Fate as a Quotation, Life as a Narrative”, *Psychology of consciousness: Ethnic, national, religious, legal and regulative aspects*, PGSGA, Samara, pp. 101–105 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Kucherenko, Vladimir V., Vyalba, Yuri A. (2006) “Psychosemantics of the Altered States of Consciousness (on the Material of Alcoholism Hypnotherapy)”, *Psikhologicheskii Zhurnal*, Vol. 27, No 5, pp. 16–27 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2013) ‘People in the Subject and the Mental World. Is there any “Objective Reality”?’ Unfinished Dispute of Bohr and Einstein’, *Bulletin of Irkutsk State University*, Vol. 2 (2013), pp. 62–82 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2014) “Classical and Quantum Physics in the Language of Consciousness and Unconsciousness – Post-non-classical Rationality”, *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2014), pp. 76–90 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2014) “Interconnection of Quantum Physics and Psychology of Consciousness”, *Psikhologicheskii Zhurnal*, Vol. 35, № 6, pp. 69–87 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2015) “Consciousness and Reality in Western and Eastern Traditions, Relationship between Man and the Cosmos”, *Bulletin of Novosibirsk State University*, Vol. 9, No 1, pp. 99–123 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2015) “Methodology of Psychosemantics in the Context of Philosophy of Postnonclassical Rationality and Quantum Physics”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 85, No 5, pp. 434–442 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F., Suprun, Anatoly P. (2016) “The methodological Manifesto of Psychosemantics”, *Psikhologicheskii Zhurnal*, Vol. 36, № 3, pp. 5–14 (in Russian).
- Petrovskiy, Vadim A. (1985) “The Principle of Reflected Subjectivity in the Psychological Study of Personality”, *Voprosy Psikhologii*, Vol. 4 (1985), pp. 17–30 (in Russian).
- Petrovskiy, Vadim A. (1992) *Psychology of Nonadaptive Activity*, Gorbunok, Moscow (in Russian).
- Polanyi, Michael (1958) *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*, University of Chicago Press, Chicago (Russian Translation 1985).
- Ponomarev, Yakov A. (1976) *Psychology of Creativity*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Pribram, Karl H. (1971) *Languages of the Brain; Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ (Russian Translation 1975).
- Sokolov, Evgeny (2010) *Essays on the Psychophysiology of Consciousness*, MGU, Moscow (in Russian).
- Sokolova, Elena Th., Nikolaeva, Valentina V. (1995) *Features of Personality in Borderline Disorders and Somatic Diseases*, SvR-Argus, Moscow (in Russian).
- Tikhomirov, Oleg K. (2002) *Psychology of Thinking*, Akademiya, Moscow (in Russian)/
- Velichkovsky, Boris (2003) “Advances in Cognitive Sciences. Technologies Attentive to Human Attention”, *V Mire Nauki*, Vol. 12 (2003), pp. 87–93 (in Russian).
- Yurevich, Andrei V. (2005) *Psychology and Methodology*, IP RAN, Moscow (in Russian).
- Zeigarnik, Bluma V. (1986) *Pathopsychology*, MGU, Moscow (in Russian).